

ШУТКА И ИРОНИЯ КАК МЕТОД ПОСТИЖЕНИЯ МИРА И ЧЕЛОВЕКА В ФИЛОСОФИИ СОКРАТА

“Ты уже давно, Сократ, вышучиваешь нас и насмехаешься” (Платон. Феаг. 125e), “И мне приходит на ум, друг мой, не шутишь ли ты со мной и не обманываешь нарочно” (Платон. Гиппий Большой. 300c), “Вот она, знаменитая ирония Сократа!” (Платон. Государство. 337a). Эти и другие хорошо известные фрагменты и воспоминания о Сократе подтверждают явное, действенно-ощутимое и практическое обнаружение шутки и иронии в общей системе взглядов и философии Сократа – «одного из загадочных явлений античного духа» (5, с.51). Причем, шутка и ирония у философа выявляют не только концептуальное развитие и завершенность в конкретных примерах (обращении, маевтике, эленктическом “испытании”), но и обретают некую действенную продуктивную форму, так что перерастают в своеобразный спектакль или игру. Это позволяет говорить о сократовской шутке и иронии как о своеобразном методе мировоззрения и философского анализа окружающего мира и человека.

Обращение к иронии и шутке у Сократа имеет достаточно широкую амплитуду: от колкого “высмеивания” или добродушного “разыгрывания”, формирующих дальнейший характер и развитие диалога, до своеобразного метода поиска истины, где в шутке и иронии находят свое проявление как игра слова, так и игра-действие. Обычная сократовская шутка, ярко вспыхнув в беседе, разворачивает как бы собственную систему координат, благодаря чему сознание собеседников обретает определенную степень свободы, легкости. Шутливый игровой характер рассуждения благодаря иронии позволяет заглянуть внутрь себя, собственного сознания и уже с этих позиций обозначить, высветить невероятно сложный и хрупкий мир человеческого “Я”, как, например, “познай самого себя” или “я знаю, что я ничего не знаю”. Здесь как бы “улавливаются” пороки и добродетели души, принимающие конкретный, а иногда даже художественно оформленный “вид”, “образ”, который с такой же свободой и легкостью должен будет уже в процессе вышучивания обрести особый смысл, свою гармонию, эстетическую и философскую значимость и ценность.

Эта позиция не раз подтверждалась Сократом и на практике: так, сделавшись в комедии Аристофана “Облака” центральным героем, он мастерски “перешутил”, переиграл смысл сюжета во время представления. «Когда сидел в театре на “облаках” Сократ, как увидел дразнилку под своим именем, тотчас встал и так простоял до конца комедии» (2, с. 83). Такой поворот адреса насмешки и шутки произвел своеобразное накладывание комедийного контекста уже на реальную шутку-игру философа, и в “версии” Сократа, благодаря ироническому фокусу, выстроило еще одну, непредусмотренную Аристофаном степень иронизирования и комедийного переворачивания смыслов. С такой же легкостью лицедея, ироника Сократ перевернул и трагедию собственной смерти, превращая ее буквально в шутливое ироничное замечание: “Но и вам, о мужи судьи, не следует ожидать ничего дурного от смерти, с человеком хорошим не бывает ничего дурного ни при жизни, ни после смерти” (Платон. Апология. 41o). Конечно, не только лишь шутка и ирония составляют главное в философских позициях Сократа, и, конечно, фиксация иронического не дает исчерпывающего ответа на вопрос – “Что же такое знал этот гениальный клоун, чего не знают люди...” Но все же, во многом ирония и шутка с их открытостью, легкостью восприятия, свободой, практическим обретением конкретики, задают перспективу бесконечного и увлекательного движения мысли-поиска, обращенного в итоге на человека, его внутренний мир, его сознание, что помогает точнее обозначить место и роль шутки и иронии в философских рассуждениях, мировоззренческой позиции и самой фигуре Сократа.

Собственно, само ироническое обращение к действительности, шутовское рассмотрение тех или иных проблем жизни и человека не было новым в античной философской мысли до Сократа (достаточно хотя бы вспомнить глубокую философскую иронию Гераклита, шутивно-сатирические оды Ксенофана, позицию Демокрита, определенный угол шутивно-ироничного отношения к действительности, социуму и человеку полагают в своей методике и рассуждениях софисты), но все же шутка и ирония Сократа на много порядков значительнее и перспективнее, глубже и продуктивнее, так что можно проследить особую градацию и развитие уже непосредственно этих средств как самостоятельной категории эстетического.

Ирония, и об этом достаточно написано, – отличительная черта диалектического метода Сократа, его способа ведения диалога в поиске общих определений, в поиске истины. Так, в многочисленных беседах он постоянно иронизирует, как бы сам получая от этого удовольствие, в результате чего представленные дискуссии походят скорее на забавные сценки и полны сатирико-комических ситуаций, а иногда даже полагают собственную зрелищно-игровую завершенность. Поэтому вопрос об иронии Сократа заслуживает детального рассмотрения в общем характере ироническо-шутовского “тона” философских рассуждений и бесед.

Яркая, иногда и резкая, остроэмоциональная критика-осмеяние, присущая природе иронического, на деле раскрывает ценностный смысл предметов и явлений действительности. Ирония также полагает одновременное наличие двух смыслов – прямого, буквального и скрытого, обратного, фразы и антифразы. Причем, сама замена (перемена) смысла осуществляется посредством отдельного знака (действия, итонации, выстроенной ситуации, атрибута и др). Иногда, и чаще всего, ирония и шуточный характер формируются посредством своеобразного порядка слов: у Сократа это знаменитые “словесные силки”, где игра слов в перспективе перерастает в игру смыслов. Распознавание самой иронии процессуально вызывает острую и живую, как положительную, так и отрицательную реакцию. Практическое распознавание и понимание иронического как понимание и принятие особых “правил игры” вызывает, как вызывало и у Сократа, сознательное удовольствие, т.к. человек в данной ситуации осознает свою способность к экстраполяции, поднимаясь таким образом в этом акте сознания над обыденным смыслом. То есть ирония как игра смысла способна доставить удовольствие не только в процессе адаптации самого смысла, но и непосредственно, даже в самом акте обращения к иронии (или распознавания ее).

В общей системе мышления существуют и известны определенные концепции иронического, где, при всем многообразии видов, общим является то, что ирония, являясь конкретной категорией и исторически преходящей (по мере развития общественных и социокультурных отношений, норм морали, и т.д.), по сути все же есть явление непреходящее, как непреходяще человеческое познание, мысль, ее потенциальное развитие, на что не раз опирается в своем “крючкотворстве” и “вышучивании” Сократ.

Каково же расположение иронии непосредственно в диалогах, беседах Сократа и в чем же заключается феномен “обычной сократовской иронии”? Хотя, как верно замечает А. Ф. Лосев, Сократ никогда не называл иронией ни своего метода, ни своей манеры общаться с людьми (5, с.74). Похоже, это еще одна “шутка” великого мыслителя.

Шутка, конечно же, достаточно своеобразная, “скользящая”, весьма широкого диапазона, которая буквально пронизывает диалоги Платона и Сократические воспоминания Ксенофонта. Это и шутка, и испытание, и обман, и ирония. Смысловая природа этой “шутки” выявляет характер иронического следующим образом:

1. Ирония и шутка как риторический прием, где собеседник, партнер, чувствуя, что представленный видимый (прямой) смысл становится мнимым, сам отбрасывает буквальный смысл и как бы пробует альтернативное значение. (Что достаточно ярко наблюдается в диалогах “Государство”, “Гиппий Большой”, “Феаг”, “Пир”).

2. Ирония и шутка как противопоставление реальности и видимости. Здесь ирония, шуточный характер изложения полагаются созидательной практикой, где обнаруживается их драматическая игровая природа непосредственно в столкновении видимого и реального. Главным лицом здесь выступает субъект (ироник), благодаря которому выстраивается следующая цепочка: ироник – реальность – собеседник – интерпретация – смысл. Современная разработка этого положения представлена в работе Мюкки и Кнокса “Ирония и ее контекст”.

3. Ирония и шутка как постижение истины, что, в сущности, вытекает из практики Сократа. Здесь со всей очевидностью обнаруживается единство мышления и языка, эмоционального и рационального, где ирония выступает как “двигатель” мысли, иногда перерастая в игру мысли или ограничиваясь оборотом мысли. Современная транскрипция этого положения представлена в работе В.Янкелевича “Ирония или ясность ума”.

4. Ирония как отрицающая диалектика, где важным является момент самого отрицания предлагаемого смысла, и далее уже следует объективация в самом отрицании. Характерный пример – негодование Фразимаха в “Государстве”. “Фразимах уже не мог более стерпеть. Весь напрягшись, как зверь, он ринулся на нас, словно готов был растерзать. - Что за чепуху вы несете, Сократ, уже с которых пор! Что вы строите из себя простачков, играя друг с другом в поддавки?.. Вот она, обычная ирония Сократа! Я уже и здесь всем говорил, что ты не пожелаешь отвечать, прикинешься простачком и станешь делать все, что угодно, чтобы только увернуться от ответа” (Платон. Государство. 36с).

Далее практически везде Сократ использует иронию для так называемого нарочитого самоуничижения, соответствуя аристотелевым определениям, где “притворы (иронисты), которые говорят о себе приниженно и на словах отклоняются в сторону преуменьшения ... избегая важничания, как это делал Сократ” (1, с.141). Моментов, где Сократ объявляет себя “неразумным”, “непамятливым”, “нерадивым” и пр. - бесчисленное количество. В платоновском “Федре” этот момент представлен наиболее ярко и действенно. “Грудь моя, - говорит Сократ, - полна и я чувствую, что могу сказать не хуже Лисия, но по-другому. А так как сам я от себя ничего такого не могу придумать – я в этом уверен, сознавая свое невежество, – то остается, по-моему, заключить, что я из каких-то чужих источников, по слуху, наполнился подобно сосуду, но по своей тупости позабыл, как и от кого я что слышал” (Платон. Федр. 235о). Здесь сократовская ирония и шутка-самоуничижение задают игровую природу диалогу и обнаруживают активное, действенное начало иронии как таковой. Шутка и ирония вовлекают в игру как в действие сознание и собеседника, и самого ироника. Последний тогда выступает как бы в двух лицах: сохраняя свое “Я” и надевая личину “притворы”. И получается, что “всякий раз, когда ты, Сократ так рассуждаешь, твои слушатели испытывают примерно вот что: они думают, что рассуждение при каждом твоём вопросе лишь чуть-чуть уводит их в сторону, однако когда эти “чуть-чуть” соберутся вместе, ясно обнаруживается отклонение и противоречие с первоначальным утверждением. Как в шашках сильный игрок в конце концов закрывает неумелому ход и тот не знает, куда ему податься, так и твои слушатели под конец оказываются в тупике и им нечего сказать в этой, своего рода игре, где вместо шашек служат слова” (Платон. Государство. 487в-е). Прибегая к иронии как вербальной игре, где “вместо шашек служат слова”, Сократ показывает действенность и практическую значимость этого метода рассуждения.

Как видим, сократовская ирония намного глубже, чем просто “шутка”, “уловка”, “вышучивание”. Ее цель не только в том, чтобы развлечь, придать беседе необходимую легкость, снять напряжение или же только высмеять и разоблачить, но скорее в том, чтобы активизировать сознательный процесс посредством творческих моментов, разрушающих стандарты мышления. “Разогретое” иронией и шуткой сознание человека обретает не только необходимую степень свободы в поиске истины, но и само становится шире, гибче, глубже, и, конечно, свободнее самостоятельнее. Х.Ф.Кессиди подчеркивает, что “ирония

Сократа была направлена против духа несерьезности, против слепого преклонения перед традицией и разного рода ложными авторитетами” (3, с. 95). “Даже его шутки оказывали на окружающих его лиц несколько не менее благотворное влияние, чем серьезные разговоры” (4, с.41), что во многом объединяет сократовскую иронию и шутку с духом античной комедии. Затрагивая не раз в своих беседах проблему смеха и комического, Сократ прежде всего выделял их положительный опыт для человека, его сознания. “Что же касается смешного... В то время как одному себе стыдно смешить людей, на представлении комедий ты с большим удовольствием слушаешь смешные вещи и не отвергаешь их, как нечто дурное... Разумом ты подавляешь в себе склонность к забавным выходкам, боясь прослыть шутком, но в этих случаях у тебя появляется задор, и часто ты незаметно для себя в домашних условиях становишься творцом комедий” (Платон. Государство. 606с). И, возможно, распознав всю прелесть “вышучивания”, “крючкотворчства” и “комикования”, благодарные собеседники обращались к Сократу: “Ты втянул меня в трудное рассуждение, да еще и вышучиваешь!” (Платон. Государство. 478е). Таким образом, сократовская шутка и ирония возводили в особую степень внутреннюю глубину рассуждений, смысл содержательной беседы.

Обращаясь к шутке и иронии Сократ не прекращает и в тот достаточно драматический момент, когда он осужден, призван к ответу и вполне предчувствует грядущий приговор. Философ обращается к собравшимся с длинной речью в собственную защиту, где в наказание предлагает... приговорить его к “обеду в Пританее”. Что же это, как не изящная и опасная шутка?! А свое главное обвинение он опровергает следующим образом: “По-моему, большой наглец и озорник подал на меня эту жалобу... Похоже, что он пробовал сочинить загадку: заметит ли Сократ, наш мудрец, что я шучу и противоречу сам себе, или мне удастся провести его и прочих слушателей? Потому что в своем доносе он сам себе противоречит – Сократ нарушает закон тем, что не признает богов, а признает богов. – Ведь это же шутка!” (Платон. Апология. 27а-в). Неудивительно, что именно шутка, ирония в трагическом хитросплетении событий выходят на границу судьбы, рока, а возможно, что и сам Сократ хорошо понимал это и посредством иронии и шутки сыграл с судьбой. Выиграл ли великий мудрец – зависит от точки зрения, но то, что проиграли осуждавшие его, проиграли и все афиняне – этот факт бесспорен.

Таким образом, как видим, ирония и шутка в системе взглядов, как и в жизни Сократа, выполняют достаточно яркую, а в большинстве случаев, главноопределяющую функцию, где именно ирония, игра слов и шутка, задавая действенный заряд сознанию, становятся своеобразным методом постижения окружающей действительности и мира самого человека.

1. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Собрание сочинений в 4-х томах. – Т. 4.1 – М., 1983.
2. Гусейнов Г.И. Аристофан. – М., 1988.
3. Кессиди Ф.Х. Сократ. – М., 1988.
4. Ксенофонт Афинский. Сократические сочинения. Воспоминания о Сократе. – М.-Л., 1935.
5. Лосев А.Ф. История античной эстетики: Софисты. Сократ. Платон. – М., 1969.